

Это была самая больная струна в моём сердце, и он потянул за неё, этот незнакомый голубоглазый, словно вылинявший от солнца Егор.

– Всё же вы гости! Из Ленинграда! В родные как-никак места вернулись, и тут голодовать... Это и дедушке твоему от меня благодарность! – Он протянул ко мне руку, и я весь сжался, как от удара: «Сироту жалеет! Добренький!» – Бывало, придёт твой дедушка в класс, – гудел Егор, – вымотрит, кто совсем пропадает, да и сунет ему тишком сухарик от своего пайка. Мне сколь разов перепадало. Святой был человека, я с его грамоты пошёл...

Я возненавидел Егора. Меня затрясло от его белозубой улыбки и жалостливых глаз. И как я, пятилетний недомерок, сообразил, чем больше ударить его?!

– А что это у нас в доме так навозом тянет? «Вот так тебе! – подумал я. – Пришёл. Расселся. Жалеет. Разговаривает!»

Запах от Егора шёл густой, в нём мешались конский и человеческий пот, махорка и духота овечьего закута.

Егор заморгал белыми ресницами, нахлобучил бесформенную папаху и суетливо заторопился.

– И то! И то... – забормотал он. – Спим-то посреди отары... Принюхавши... Вы уж извините! Надо бы сперва в баню... Но я хлебца вам тёплого, из печи чтобы, хотел...

Вопросы к обсуждению 2 части рассказа:

1. Чем был мотивирован добродетельный поступок Егора?

2. Каким был мальчик в 1-й части рассказа и почему он проявил такую реакцию на Егора?

Часть III. «Вразумление, покаяние и оправдание мальчика».

Когда я ел божественно пахнущий ломоть, грыз хрустящую корку, тонул в белопенном мякише, чувствуя щеками его живое тепло, я не понимал, какой поступок совершил. И только потом, когда томление сытости стало склеивать мне веки, я удивился, почему это после ухода Егора ни мама, ни бабушка не сказали мне ни слова. Мама сидела, забившись в угол старенького диванчика, а бабушка гремела посудой.

– Это же надо – взрослому человеку... – наконец проронила бабушка, забирая у меня тарелку с куском, который я не смог одолеть. – Стыд какой!

– Как стыдно! – Мама поднялась и стала ходить по комнате, ломая пальцы. – Он в степи под градом и холодом, под молниями и суховеями, круглый год один, среди овец...

– У него своих детишек голодных пятеро, а он тебе первому... Я плохая бабушка! Я не умею тебя воспитать! – Это была самая страшная фраза.

Через час такой пытки я уже рыдал, понимая весь ужас совершенного мною поступка.

– Что же мне теперь делать? – закричал я, захлёбываясь слезами.

– Сам набедил – сам и поправляй.

– Да как же я у него прощения попрошу, если он уехал?

– А что ты думал, когда обижал? Ты же нас всех, нас всех – и дедушку, и папу, и нас с мамой – на всю жизнь опозорил...

– Он недалеко живёт! – обронила мама. – За оврагом, у кладбища.

– Так ведь темно уже! – кричал я, леденя от мысли, что придётся идти оврагом, где и днём-то страшно. – Меня бугай забодает!

– Бугай в сарае спит давно.

– Меня волки съедят!

– Пусть! – отрезала бабушка. – Пусть у меня лучше не будет внука, чем такой внук – свинья неблагодарная!

– Он ведь хлеб! Он ведь хлеб тебе привёз... – прошептала мама. На улице было действительно совсем темно. Всё привычное и незаметное днём переменялось, выросло и затаило угрозу: и плетни вдруг поднялись, как зубчатые стены, и белёные стены хат при луне вдруг засветились мертвенно и хищно.

...Спотыкаясь и поскуливая, я вышел к оврагу, где огромным чернильным пятном лежала темень. Я пытался зажмуриться, но глаза от страха не закрывались, а норовили выскочить из орбит. Рыдая, я опустился на дорогу, где под остывшим слоем пыли ещё таилось дневное тепло. Домой повернуть было невозможно. «Ты нас всех опозорил!» – звенело в голове.

– И пусть! – шептал я. – Пусть меня сейчас волк съест и не будет у них меня! – Я пытался представить, как все по мне плачут. Но картина не получалась, потому что я знал: вина-то моя не прощённая! И виноват я по уши! «У него своих детишек пятеро голодные сидят, а он тебе хлеб привёз!»

Из темноты вдруг высунулась огромная собачья голова, ткнулась холодным мокрым носом в мой голый, втянутый от страха живот, пофырчала мне в ухо и скрылась.

Как во сне, я поднялся, перешёл чёрный овраг и, стараясь не смотреть в сторону кладбища, вышел к Егорову куреню. Окна не светились... И тогда я зарыдал в голос, потому что всё было напрасно: Егор спит, а завтра он уедет и никогда не простит меня!

– Кто здесь? – На огороде вдруг осветилась открытая дверь бани.

– Дядя Егор! – закричал я, стараясь удержать нервную икоту. – Это я! – И, совсем сомлев от страха и стыда, почему-то совершенно замерзая, хотя ночь была жаркая, ткнулся во влажную холщовую рубаху овчара и, заикаясь, просипел: – Дядя Егор! Прости меня!

За всю свою жизнь я не испытал большего раскаяния, чем в тот момент.

– Божечка мой! – причитал Егор. – Да закоченел весь! Милушка моя!

Потом он мыл меня, потом мы шли домой, всё той же бесконечной ночью.

...Много лет спустя мама рассказала мне, как они с бабушкой, обливаясь слезами, шли за мной по пятам. Мама несколько раз порывалась подбежать ко мне: больно маленький я был и очень горько плакал, но бабушка оставливалась её:

– Терпи! Никак нельзя! Сейчас пожалеешь – потом не исправишь...

Были потом у меня и праздники, и изобильные столы, и весёлые рыбалки с дядей Егором. Были длинные ночные разговоры под чёрным и бездонным небосводом, но навсегда осталось чувство вины перед тем, кто дал мне хлеб...

Вопросы к обсуждению 3 части рассказа:

1. Что ещё нового в человеческих отношениях открылось вам в этой части рассказа?

2. При каких условиях и действиях взрослых произошло вразумление и исправление ребёнка?

3. Что педагогически ценного и верного со стороны взрослых можно отметить в этой части рассказа?

4. Какие нравственные и педагогические принципы, правила и приёмы можно выделить в рассказе?

Нравственно-педагогический анализ рассказа с выявлением педагогических принципов, правил и методических приёмов

Особый интерес для нравственно-педагогического анализа и выявления принципов представляют II и III части рассказа: «Греховный поступок мальчика» и «Покаяние и оправдание».

В первой части рассказа можно отметить:

– принцип культуросообразности сопряжённый с правилами приличия, выразившихся в словах бабушки к мальчику во время еды: «чтобы по-людски, за столом, не торопясь, чистыми руками»;

– правило «разумного удовлетворения потребности»: «не в сладость, а в сытость»;

– методический приём «верного своевременного наставления»: «не в сладость», чтобы не подпитать греховное сладострастие, а «в сытость», утолить голод и удовлетворить лишь жизненную потребность в еде.

Несмотря на голод, в ситуации соблазна мальчик «не посмел» взять хлеб без спроса взрослых;

– принципы «любви и почитания», «нравственной свободы» (от греха) и «нравственной сознательности» (допустимого и запретного).

– правило «без спроса взрослых ничего не совершать», в чём проявилось заложенное ранее воспитание.

Егор принёс хлеб в голодное время, несмотря на то, что сам имел большую семью. Поступок Егора явился знаком благодарности за благодеяния его учителя (дедушки мальчика): «Это и дедушке твоему от меня благодарность». Егор на всю жизнь запомнил доброту своего учителя: «Бывало, придёт твой дедушка в класс..., да и сунет тишком сухарик от своего пайка. Мне сколько разов перепадало. Святой был человек...»

Добро, посеянное много лет назад, дало добрые всходы и плод.

Здесь реализовались:

– принципы «личного примера» учителя (дедушки мальчика), «целеустремленности», «разумно-деятельной любви», «нравственной свободы» и «нравственной сознательности» Егора.

Кроме того, в словах Егора: «У моих-то, отец, вот он, с руками и ногами, а ему кто, сироте, даст?» проявились

– принципы «сострадательной любви» и «смирennemудренного снисхождения»;

– правила «гостеприимства», «заботы о слабых и нуждающихся» (см. Рим. 15:1-3): «за всё благодарите» (см. 1 Фес. 5:18), «творите добро друг другу и всем» (см. 1 Сол. 5:15).

Главным моментом второй части является проступок мальчика, вызванный обидой на Егора, задевшего «самую больную струну в сердце» ребёнка – его сиротство. Не умея совладать собой, испытывая чувство ненависти, мальчик наносит оскорбление Егору: он